

К. Ф. ГРИЦЕНКО

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ТОПОНИМИКИ СИБИРИ

Комплексное изучение проблемы происхождения народов Сибири и их языков с учетом данных целого ряда наук началось в Томске по инициативе А. П. Дульзона в 1944 году. Подробный перспективный план исследований, разработанный впервые на кафедре общего языкознания Томского пединститута в 1947 году, отводит не последнее место лингвистическому аспекту проблемы. Изучение географических названий вносит большой вклад в ее решение. Пришло время пересмотреть, что сделано и что предстоит сделать в этом направлении.

Местные названия Сибири с давних пор и по настоящее время привлекают внимание ученых для выяснения этнической принадлежности населения, в связи с решением вопросов древней истории Сибири, и в других целях (А. Кастрен, В. Радлов, А. И. Соболевский, В. Б. Шостакович, С. А. Токарев, Г. М. Василевич, А. П. Окладников и др.).

Глубоко научному и планомерному изучению топонимы Сибири подверглись в трудах А. П. Дульзона, посвященных кардинальным вопросам топонимической науки вообще и топонимики Сибири в частности. Огромное значение для науки имеют его работы по кетской проблеме, интерес к которой в нашей стране и за рубежом особенно возрос после их публикации. Значительный удельный вес в решении этой проблемы отводится топонимическим исследованиям. Идеи ученого получают свое развитие и продолжение в работах его учеников, опубликовавших более 150 статей по топонимике Западной и Восточной Сибири, Алтая и Средней Азии.

В результате экспедиций, организованных А. П. Дульзоном, собран и ежегодно пополняется большой материал по языкам и топонимике народов Сибири. Под его руководством создана при Томском педагогическом институте картотека топонимов Сибири, утверждённая в 1959 году на правах научно-исследовательской лаборатории. Картотека содержит 342 000 карточек географических названий Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии. К сбору и обработке топонимического материала были привлечены студенты пединститута и университета. Топонимы нерусского происхождения разнесены на карточки в прямом и обратном алфавитном порядке; кроме того, имеется перечень нерусских топонимов, рас-

положенных в обратном порядке, составляющий семь томов по 300 страниц машинописи. Отдельно расписаны по карточкам в прямом алфавитном порядке топонимы русского происхождения. В картотеке имеется 300 топонимических карт, составленных сотрудниками картотеки.

Таким образом был заложен фундамент одного из самых сильных в стране топонимических центров, а проделанная работа даёт нам право говорить о топонимической школе А. П. Дульзона.

Прежде всего А. П. Дульзону принадлежит глубокая и всесторонняя разработка целей и задач изучения топонимики Сибири, роли географических названий в решении проблемы происхождения народов, связи этого раздела языкознания с другими науками, изучающими данную проблему.

Основываясь на идеях Ф. Энгельса, выдвинувшего вопрос о значении географических названий для установления этнического состава населения той или иной территории в древности¹, А. П. Дульзон на большом конкретном материале географических названий Западной и Восточной Сибири показал возможности топонимики при решении исторических и этнолингвистических вопросов, которые сводятся, вкратце, к следующему.

Древние географические названия отражают протекавшие на той или иной территории исторические процессы складывания, развития или изменения этнических групп населения. Это положение полностью гармонирует с учением советской исторической науки, согласно которому смена этнического состава населения в определенном месте рассматривается не как механическое перемещение отдельных народов, а как сложный процесс исторического развития населения этой территории, в результате которого на ней появляются новые этнические группы.

Географические названия, в силу своей специфической особенности сохраняются на долгое время, очень часто восходят к предшествующему населению и являются ценным, нередко единственным источником для решения вопросов исторического и лингвистического характера. Поскольку в них нашел свое отражение общественный интерес носителей данного языка на определенном этапе их развития к соответствующим объектам природы, изучение топонимики может дать ценные сведения о характере хозяйства, общественного строя и культурного развития соответствующего народа в тот период его истории, когда эти названия были созданы. Кроме того, изучение топонимов в качестве источника для истории имеет своей целью установить границы былого проживания различных этнических групп и выяснить направления их миграций.

Об истории и характерных особенностях проживающих в Сибири племен и народностей нам известно мало, в силу отсутствия у них своей письменности. При этих условиях установление этни-

¹ Ф. Энгельс. Франкский диалект. М., 1935, стр. 52.

ческого состава былого населения, его основных мест обитания и передвижения возможно только путём комплексного исследования с использованием данных археологии, этнографии, антропологии, языкознания и истории, взаимосвязь которых вскрыта и ясно прослеживается в работах А. П. Дульзона.

Реликтовые географические названия имеют важное значение для решения указанного вопроса. Поскольку географические наименования всегда являются словами определённого языка, их лингвистическое изучение важно потому, что позволяет глубже понять лексику этого языка и сделать некоторые выводы о его фонетических и грамматических особенностях и месте в семье других языков. При этом значение топонимики тем больше, чем меньше имеется других данных о языке, носители которого её создали.

На территории Западной Сибири и частично за её пределами А. П. Дульзон выделил целый ряд чётко выраженных ареалов, определённых им этнолингвистически как угорский (мансийский, хантыйский), самодийский (ненецкий, селькупский, южносамодийский), кетский (аринский, ассанский, коттский, пумпокольский, енисейско-кетский), тюркский (шорский, алтайский, хакасский, чулымско-тюркский, нижнетомский), монгольский (ойротский). В ряде случаев указанные ареалы связаны с живым населением, проживающим ещё на этой территории. Нередко топонимический ареал вскрывается как подслоя (субстрат), в других же случаях географические названия субсубстратного происхождения. Чтобы выделить древнейший слой, надо сначала изучить и отделить топонимы исторически известных народов — так была определена цель первого этапа исследований, которая, в свою очередь, позволила наметить ближайшие задачи. Первостепенной задачей было установить преемственную связь между живым аборигенным населением Западной Сибири и археологическими памятниками ближайшего прошлого, т. е. XVI и XVII веков. Теперь эта задача решена: для средней части Западной Сибири преемственная связь прослежена в глубь прошлого до XIV, иногда и до XII веков.

Так как все топонимы дошли до нас с помощью посредничества известного живого языка, то перед исследователями возникает задача структурной типологии и семантических моделей топонимики во всех живых языках, причастных к созданию или перестроению топонимов на рассматриваемой территории.

С этой целью топонимическими исследованиями были охвачены кетские, хантыйские, селькупские, мансийские, ненецкие, нганасанские, алтайские, шорские, тувинские, северо-казахские, эвенкийские, якутские, а также русские географические названия. В число задач входило выявить указанные топонимы, раскрыть их этимологию и установить ареалы, описать формальную и семантическую стороны, выявить иноязычные названия, учитывая при этом достижения других наук.

В результате ряда сложнейших изменений, вызванных ассимиляцией населения, топонимы древнего происхождения нередко пол-

ностью изменили свой облик. Вследствие этого лингвистический анализ их чрезвычайно затруднен и невозможен без наличия разносторонних лингвистических знаний и правильной методологической основы. Поставленные перед исследователями задачи можно разрешить только в том случае, если достоверно будет установлено, что рассматриваемые топонимы действительно принадлежат данному конкретному народу. Возник вопрос о методике исследования и проверки полученных выводов, который успешно разрешил А. П. Дульзон, создав строгую научную методику анализа топонимов субстратного происхождения, имеющую важное значение для топонимики как науки и особенно для той ее части, которая имеет дело с топонимикой бесписьменных народов. Общие ее принципы, правила исследования и критерии изложены в следующих его работах: «Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики» (1950); «Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения» (1959); «Былое расселение кетов, по данным топонимики» (1962); «Топонимия Западной Сибири как один из источников её древней истории» (1964); «Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения» (1969) и др. Особенно ценной в этом отношении является работа «Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения», в которой показан весь процесс анализа топонимического материала с привлечением примеров из топонимики Западной Сибири дорусского, субстратного и субсубстратного происхождения. Особенностью предложенных А. П. Дульзоном методов изучения топонимов субстратного происхождения является то, что они предполагают в качестве обязательного условия ретрогрессивный ход исследования, при котором анализ топонимических слоев, относящихся к разным периодам времени, производится последовательно, начиная с верхнего (последнего по времени).

Исследователь должен придерживаться общего принципа: топонимы составляют разряд слов языка, и поэтому их анализ должен полностью подчиняться правилам этимологических исследований. Однако топонимы аборигенов нельзя рассматривать как обычные заимствования; их анализ требует учета различных речевых особенностей субстрата (ассимилированного населения), которые в географических названиях могли сохраниться даже после перехода всего населения на тот или иной живой в настоящее время язык. Только при этом условии возможно учесть те ряды чередования звуков, которые связывают на данной территории различные диалекты как языка-суперстрата, так и языка-субстрата. Первоначальная форма топонимов должна восстанавливаться на основании закономерностей фонетической и морфологической адаптации, т. е. приспособления слов предшествующего языка к системе наслаивающегося. Благодаря этому значительно уменьшается опасность отнесения в далекое прошлое таких языковых особенностей, которые фактически принадлежат наслаивающемуся языку.

Элиминирование морфологических форм и фонетических изменений, внесенных языком-передатчиком, даёт возможность восстановить облик слова языка-субстрата. Кроме того, выяснение диалектных границ всех языков, причастных к созданию данного топонима и установление того ряда чередования, в которой каждый звук попадает при переходе слова из одного языка в другой, позволяет отождествить целый ряд разнозвучных вариантов, встречающихся на территории, и, наоборот, увидеть в нескольких однозвучных формах различные слова — омонимы.

Выяснение древних мест проживания по сохранившимся топонимам следует начинать прежде всего с определения и различения двух возможностей языковой принадлежности каждого отдельно взятого термина: по происхождению и по употреблению. Топоним считается, например, кетским по происхождению, если морфологический состав его полностью раскрывается из данного языка; кетскими по употреблению являются топонимы, в отношении которых известно только то, что они были в употреблении кетов, независимо от характера их морфологического состава.

Применение вышеизложенных приёмов восстановления первоначальной формы названия легко проследить на топониме *Китат* (название правого притока Чулыма, бассейн Оби). Данный топоним подвергся двукратной адаптации двумя различными языками и имеет, таким образом, субстратное происхождение. *Китат* — русская суперстратная форма по отношению к тюркскому *Кытат*, которое сохранилось ещё в живом употреблении у тюрков-аборигенов. «Указанная русская форма в данном случае отличается от субстратной тюркской как своим звучанием (*и* вместо *ы*, заднеязычное *к* вместо язычкового *к*), так и грамматическим содержанием (в русском она имеет значение мужского рода, чего нет в тюркском слове). Но *Кытат* является тюркским словом только по употреблению, а не по своему происхождению; это слово восходит к субстратной для него кетской форме **Кытет*, фактически не засвидетельствованной, а восстанавливаемой теоретически.

В процессе ассимиляции кетов (пумпоколов) тюрками Среднего Чулыма второй элемент в этом слове переменял свою огласовку в соответствии с сингармонией гласных, свойственной чулымско-тюркскому языку; кроме того, это слово потеряло значение неодушевлённого рода, которое оно имело в кетском языке»².

Составной частью методики А. П. Дульзона является изучение живого языка, что особенно важно для выявления семантических моделей, свойственных тому или иному языку, и без чего нельзя считать успешным этимологический анализ топонима.

В процессе исследования большую помощь оказывает картографический метод, основанный на том, что нанесённый на карту топонимический ареал, совмещаемый с ареалами расселения про-

² А. П. Дульзон. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. — ВЯ, 1959, № 4, стр. 40.

живавших и проживающих на этой территории народов, дает определенную историко-этническую привязку. Этот принцип был выдвинут А. П. Дульзоном в конце 40-х годов и конкретно применён им в первых же работах по изучению проблемы происхождения аборигенов Сибири и их языков («Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики», 1950; «Чулымские татары и их язык», 1952).

А. П. Дульзон разработал также методику проверки полученных результатов, согласно которой проверка выводов должна производиться по тем же этапам, что и анализ,—современный язык, субстрат, субсубстрат, но в обратном порядке: субсубстрат, субстрат, современный язык. Такое антегрессивное исследование осуществляется посредством тех же приёмов и с учётом всех соответствий при переходах слов из одного языка или диалекта в другой; оно даёт возможность не только подтвердить имеющиеся выводы, но и получить новые. Таким образом А. П. Дульзон получил, например, вывод о том, что хакасское *юл*, *чул* «речка», встречающееся уже в древнетюркских надписях, восходит к ассанскому слову *и-ул*³.

Образцом описанного подхода к исследованию топонимического материала является работа А. П. Дульзона «Кетские топонимы Западной Сибири» (1959), где выявлены топонимы енисейских кетов (на территории современного их проживания и за ее пределами) и вскрыты неизвестные до сих пор топонимы других кетоязычных народностей, существовавших в Западной Сибири до середины XVIII века: аринов, ассанов, коттов и пумпоколов. В указанной работе осуществлен полный морфологический и семантический анализ названий с указанием особенностей адаптации их суперстратными народами, приведены списки топонимов, установлены их ареалы. Специальная статья посвящена общему названию реки («Общее название реки у кетоязычных народов», 1962). В ней выявлены субстратные кетские и соответствующие им суперстратные (селькупские, тюркские и русские) варианты, которые употреблялись у различных групп кетоязычных народов для общего названия реки.

Изучение географических названий позволило не только установить ареалы былого расселения этнических групп на территории Сибири, что уже само по себе имеет большое значение, но и дало во многих случаях возможность установить время и направление доисторических передвижений.

А. П. Дульзоном установлены места проживания и миграции кетов в Сибири за последние две тысячи лет. Прослежены пути продвижения конкретных групп тюрков в различные области юга Сибири и Среднего Приобья. По данным топонимики, кеты раньше, до тюрков, населяли почти всю Томскую область, всю Кемеровскую,

³ А. П. Дульзон. Древние передвижения кетов по данным топонимики.— «Изв. ВГО», т. 94, 1962, вып. 6, стр. 480.

часть Новосибирской, часть Красноярского края. Исходным местом для расселения енисейцев (кетов, ассанов, аринов, коттов и пумпоколов) является юг Западно-Сибирской низменности, между верховьями Иртыша и Енисея. Расположение характерных для них топонимов указывает, что они передвигались преимущественно в направлении запада или северо-запада («Древние передвижения кетов по данным топонимики», 1962).

Территорию между верховьями Иртыша и Енисея две тысячи лет тому назад, согласно китайским летописям, занимали гунны. Основываясь на том, что часть слов, приведенных в древнекитайских источниках как гуннские, хорошо раскрывается из кетского и других енисейских языков⁴, А. П. Дульзон предполагает, что енисейцы входили в гуннский племенной союз, что позволяет связывать более раннюю историю енисейских народов с предшествующей историей гуннов и, в частности, с динлинами (по-китайски динг-линг). Кеты, указывает А. П. Дульзон, называют себя *динг*, а слово *линг* означает «светлый», что, по-видимому, отмечало их расовую особенность по сравнению с монголами.

А. П. Дульзоном установлено, что топонимы енисейского происхождения являются субстратными у различных этнических групп тюрков («Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири», 1970). Границы расселения шорцев по верхней Томи, в бассейнах рек Мрассу и Кондома и в Хакасии по верхнему Абакану до Таштыпа совпадают с кетскими топонимами на *-сес*; кроме того, с ними совпадает расселение тарских татар в Средней Сибири. Географические названия с формантом *-уль*, типичным для ассанов, массово встречаются в Хакасии в местах расселения сагайцев, качинцев и кызылов, а за ее пределами — у чулымских тюрков. Территория среднечулымского диалекта совпадает с ареалом пумпокольских топонимов, выделяемых по окончаниям *-тет*, *-дет*, *-тат*, *-дат*. По Кии, левому притоку Чулыма, раньше тюрков (кюэрик, кечик) проживали арины, оставившие типичные названия рек на *-куль*. Коттские гидронимы с формантом *-шет*, *-чет* встречаются у телеутов Беловского района Кемеровской области. А. П. Дульзоном определено направление тюркизации в пределах Тувы, Хакасии и бассейна Чулыма. Основное продвижение тюркских языков шло с юго-востока; другое, менее сильное, — с юго-запада и третье, наиболее слабое, — с юга, вниз по рр. Яя и Кия, от предков бачатских телеутов.

Самодийские народности в Западной Сибири хорошо прослеживаются по типичным для них топонимам, в особенности по названиям рек и озёр, которые составляют плотные замкнутые ареалы, более или менее совпадающие с местами их исторического проживания (А. П. Дульзон. Дорусское население Западной Сибири, 1961). Ненецкие топонимы отделены от селькупских клином

⁴ А. П. Дульзон. Гунны и кеты. — «Изв. СО АН СССР», № 11, вып. 3, стр. 137.

хантыйских названий. На хантыйской территории встречаются отдельные топонимы ненецкого происхождения, а на юге хантыйские наименования перекрывают селькупские (Л. И. Калинина. Хантыйские топонимы. Канд. дисс., 1962). Это говорит о том, что самодийцы распространились в Западной Сибири из районов Средней Оби. На Средней Оби встречаются все типы самодийских гидронимов: ненецк. *-јаха*, селькуп. *-га*, южносамод. *-ба*, *-ча*. Этот факт свидетельствует в пользу того, что здесь проживали все известные нам группы самоедов (за исключением энцев и нганасанов). Однако, вопрос о том, откуда они сюда пришли, остаётся нерешённым. Можно думать, что они пришли на современные места жительства из-за Урала, так как к западу от него, на той же широте, обнаружены названия, одинаковые или однотипные с селькупскими (Э. Г. Беккер. Селькупские топонимы. Канд. дисс., 1965). Привлекая для решения этого вопроса некоторые данные из языка самодийцев, А. П. Дульзон предполагает, что самодийцы две тысячи лет тому назад проживали в соседстве с кетами между верховьями Оби и Енисея, где компактно встречаются гидронимы на *-ча* и *-чага*; островки типично самодийских топонимов и отдельные топонимы отмечают их путь продвижения, начиная с истоков Оби. Такое мнение основывается на том, что имеющиеся в кетском и самодийских языках общности могли возникнуть только в результате длительного контакта этих народов в древности и, что особенно важно, многие из них появились не путем заимствования кетским языком из самодийских, как принято думать, а, наоборот, самодийскими языками из кетского.

Изучение распространения угорских топонимов в Сибири (Л. И. Калинина. Хантыйские топонимы. Канд. дисс., 1962; Г. П. Вуоно. Мансийские топонимы, ряд статей) показало, что они дальше современного проживания хантов и манси на востоке не встречаются. Этот факт говорит против старой теории происхождения финно-угров, предполагавшей их постепенное продвижение с алтае-саянского нагорья в позднейшее местожительство по Оби.

Данные топонимики позволили А. П. Дульзону высказать некоторые предположения о догуннском населении юга Западно-Сибирской низменности и прилегающей части Центральной Азии. На востоке этой территории проживали индоевропейцы, оставившие о себе воспоминание в виде многочисленных топонимов на *-дон*, *-кем*, *-об*, *-дари* (Беккем, Аобь, Тайдон). Эти топонимы иранского происхождения, как и топонимы с компонентом *-ир* и некоторые другие в западной части той же территории («Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения», 1964; «Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения», 1969). Здесь же повсеместно встречаются гидронимы на *-ман* (Калкаман, Леман, Урман, Чулыман), которые как подстилающий слой узкой полосой простираются на восток от Енисея и на запад от Иртыша («Гидронимический ареал *-ман* в южной части Сибири», 1962). По мнению А. П. Дульзона, топонимы на *-ман* увязываются с языками

итало-кельто-германских народностей. Так как гидронимы этого типа наиболее густо встречаются в районе Прииртышья в пределах Казахстана, то следует думать, что эта территория в древности представляла собой место длительного пребывания индоевропейских народностей.

С тохарским А. П. Дульзон связывает два ареала гидронимов на севере Казахстана и юге Сибири (к западу от Оби и к востоку от её верховья), содержащих компонент *-теке* (западнотохарское *таке* «река») и *-чага* (восточнотохарское *цаке* «река»), например, *Чага, Камарчага, Алытеке* и др. («Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения», 1969).

На территории северного Казахстана широко распространены географические названия на *-соу* (В. Н. Попова. Гидронимы Павлодарской области. Канд. дисс., 1966). Наибольшая их концентрация между Ишимом и Иртышом, в пределах современной Кокчетавской области и на севере Павлодарской, к западу от Иртыша. Это позволило сделать вывод, что в древности на данной территории к северо-западу от индоевропейцев проживали угры, дальнейшее продвижение которых на запад и север отмечено в числе прочих угорских топонимов названиями на *-сор*. В результате сопоставительного анализа письменных и устных форм гидронимов установлен ряд фонетических особенностей, отличных от норм современного казахского языка и указывающих, что в этом районе угры сменили не казахи, а тюрки, имевшие вместо древнетюркского *j* звук *ч/жд*, т. е. тарские и барабинские татары.

Приведенные данные подтверждают предположение, что ряд общностей енисейских языков с индоевропейскими, установленных А. П. Дульзоном и изложенных в работе «О некоторых общностях енисейских языков с индоевропейскими», возник не во время пребывания гуннов в Европе, а гораздо раньше, при их контакте с индоевропейцами на севере Центральной Азии.

В результате анализа алтайской топонимики (О. Т. Молчанова. Гидронимы и оронимы Горноалтайской автономной области. Канд. дисс., 1968) найдены данные, свидетельствующие о связях алтайских тюрков с другими народностями на территории Горного Алтая. Путем сопоставления с топонимикой Тувы выявлен тувинский ареал, охватывающий частично Усть-Канский, Онгудайский, Улаганский районы и указывающий места проживания тувинцев в Горном Алтае в период Древнехакасского государства IX—XII веков.

Расположение топонимов киргизского происхождения позволяет передвинуть гипотетически установленную историками западную границу проживания родоплеменной группировки куман от р. Лебедь до р. Ануй, а также точнее установить границы расселения потомков кимакско-киргизских племен (Ануй-Катуньское междуречье), что с большей долей вероятности указывает на постоянное жительство киргизов в этих местах, по крайней мере, в течение столетия.

Топонимика Горно-Алтайской области подтверждает былые связи алтайцев с монголами. Топонимы монголо-калмыцкого происхождения, обнаруженные в количестве 150 названий, образуют как районы плотного залегания (восточная, северо-западная части области), так и отдельные вкрапления в юго-западной части.

Выделена и составляет определенные ареалы значительная по количеству группа топонимов с исходами на: *-ма, -ва, -ба, -ча, -га*. Сравнение этих названий с подобными топонимами на территории Томской области убеждает в их идентичности и подтверждает предположение об участии самодийского субстрата в формировании алтайской народности.

Представляет интерес топонимическое изучение ещё одной тюркской народности на территории Сибири, а именно — время, место и субстратная основа сложения якутского народа и его языка. Морфологический и семантический анализ якутской топонимики (К. Ф. Гриценко. Названия рек и озер Якутии. Канд. дисс., 1968) позволили установить ареалы географических названий с типично якутскими формантами (*-юрях, -юряге, -кюэль, лах*). Ареалы некоторых других якутских топонимов (с исходами на *-быт*, с основами, охваченными междиалектным соответствием *о—а*) подтверждают выводы историков и языковедов о местах первоначального проживания якутов (Ленско-Алданское междуречье) и их продвижения в северо-восточном направлении.

Дальнейшее изучение топонимики может дать новые данные для определения первоначальной территории расселения якутов в Сибири. А. П. Дульзон определяет её между Енисеем и Ангарой, исходя из таких косвенных данных, как выявленные им некоторые языковые общности между якутским и кетским языками и связанный с этим ареал древних топонимов на *-ман* («Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири», стр. 11, 18).

Топонимика может способствовать решению вопроса об отношениях предков якутов с монгольскими племенами, в частности о месте и времени их контактирования: было ли оно в Прибайкалье, или на территории современной Якутии⁵.

Многие из выявленных А. П. Дульзоном топонимических ареалов («Топонимы Средней Сибири», 1965) выходят далеко за пределы Сибири. Намечены пути их дальнейшего исследования. Новые данные будут получены в ходе изучения нганасанской (П. М. Коптелов), ненецкой (Б. А. Седельников) и эвенкийской (К. И. Юргин) топонимики.

Большие успехи достигнуты в исследовании самого верхнего топонимического слоя Сибири — русской топонимики, по которой собран обширный полевой материал. Его изучение проводится на различных уровнях (см. работы И. А. Воробьёвой). Анализ русских географических названий осуществляется с учетом взаимосвязи

⁵ Е. И. Убрятова. Вопросы диалектологии тюркских языков. — В сб.: Вопросы диалектологии тюркских языков, т. III. Баку, 1963, стр. 82.

с субстратными иноязычными топонимами и в сравнении со славянской топонимикой других территорий. Изучая закономерности и пути русской адаптации сибирских аборигенных названий, И. Я. Воробьева приходит к выводу, что при их освоении наибольшее влияние оказывает не столько непосредственно язык, сколько сложившаяся на базе языка топонимическая система, особенно при адаптировании, затрагивающем структуру топонимов («Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII веке», 1966). Кроме того, на характер русской адаптации влияет давность употребления названий в русской языковой среде.

Морфологический анализ русских топонимов Сибири завершается общим выводом о возросшей продуктивности безаффиксных названий, словосочетаний, включающих в себя форму родительного падежа существительных, об использовании готовых прилагательных, не имеющих топонимических формантов («Новые русские гидронимические модели», 1966).

Словообразовательный анализ топонимов, как показало исследование И. А. Воробьевой («О словообразовательном анализе славянских топонимов», 1968), основывается на выявлении системных отношений между основой и формантом как в плане выражения, так и в плане содержания, которое происходит внутри единого словообразовательного топонимического ряда. Говоря о неразработанности методики словообразовательного анализа славянских топонимов, И. А. Воробьева затрагивает вопросы, требующие дальнейшего исследования: применение формантного метода к исследованию славянских топонимов, критерии выделения аффиксов, особенности словообразовательного анализа географических названий по сравнению с анализом апеллативов, отличия словообразовательного анализа топонимов от деления их по морфемам и др.

Очень важны выводы по вопросам связи топонимики и диалекта («К вопросу о связи топонимики и диалекта на лексическом уровне», 1968) и экстралингвистическим факторам появления географических названий («Социальные факторы возникновения и функционирования современной топонимии», 1969). Изучение диалектного влияния на географические названия может дать интересные результаты как для топонимики, так и для диалектологии. Семантика вновь возникающих названий обусловлена такими факторами, как общественно-экономический уклад жизни, базирующийся на нем общественные отношения людей и идеологическое содержание эпохи. Имеет значение дальнейшая разработка этих вопросов.

Топонимическое исследование Сибири ставит на повестку дня следующие задачи: выявление и изучение подстилающего слоя топонимов, созданного палеосибирскими народами, его классификация по формальным признакам, определение ареалов и привязка к исторически известным языковым группам, всестороннее изучение топонимики отдельных районов. Решение указанных задач откроет большие перспективы для широких теоретических обобщений и даст практические результаты.

Работы А. П. Дульзона и его школы по топонимике

А. П. Дульзон: Схематическая карта топонимов бассейна р. Чулыма, 1948; Карта топонимов бассейна р. Чулыма. Томск, 1949; Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимики.— «Уч. зап. ТГПИ», т. VI, Томск, 1950; Анкета по топонимике Западной Сибири, Томск, 1959; Ареалы кетских топонимов в Западной Сибири (карта).— «Уч. зап. ТГПИ», т. XVIII. Томск, 1959; Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения.— ВЯ, 1959, № 4; Географические названия Западной Сибири как источник ее древней истории.— Сер. «Изучай свой край». Вып. 3, Томский областной музей. Томск, 1959; Кетские топонимы Западной Сибири.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XVIII. Томск, 1959; Над чем я работаю.— ВЯ, 1959, № 3; Об очередных задачах комплексного изучения древней истории народов Западной Сибири.— Сер. «Изучай свой край». Вып. 3. Томск, 1959; Дорусское население Западной Сибири.— Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Тезисы докладов. Иркутск, 1960; Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики.— Материалы XXV международного конгресса востоковедов. М., 1960; Гидронимический ареал *-ман* в южной части Сибири.— Совещание по топонимике Востока (тезисы). М., 1961; Дорусское население Западной Сибири.— В сб.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; Былое расселение кетов по данным топонимики.— «Вопросы географии», № 58. М., 1962; Гидронимический ареал *-ман* в южной части Сибири (с картой).— В сб.: Топонимика Востока. М., 1962; Древние передвижения кетов по данным топонимики.— «Изв. ВГО», т. 94. Л., 1962; Общее название реки у кетоязычных народов.— «Уч. зап. Дальневосточного ун-та». Вып. V. Владивосток, 1962; Древние топонимы индоевропейского происхождения на юге Сибири (на английском языке).— Материалы VII международного конгресса антропологии и этнографии. М., 1964; Древние топонимы Южной Сибири индоевропейского происхождения.— В сб.: Топонимика Востока. Новые исследования. М., 1964; Топонимия Западной Сибири как один из источников ее древней истории.— В сб.: Из истории Кузбасса. «Тр. Кемеровского обл. музея». Кемерово, 1964; Приемы анализа адаптированных топонимов субстратного происхождения.— Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965; Топонимы Средней Сибири (с двумя картами). Вып. 2.— «Изв. СО АН СССР». Сер. общественных наук, № 5. Новосибирск, 1965; Дорусские топонимы Средней Сибири.— Вопросы географии, № 70. М., 1966; Опыт этнической привязки топонимики субстратного происхождения.— Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Рига, 1966; Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока.— В сб.: Местные географические термины в топонимии. М., 1966; Опыт этнической привязки топонимов субстратного происхождения.— «Уч. зап. ТГУ», № 75, 1969; Происхождение субстратных гидронимов на *-ым* в Приуралье.— Республиканская ономастична конференция. Київ, 1969; Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока (15 карт).— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. II. Томск, 1970; Гидронимы на *-туй* (в Сибири); Ненецкие гидронимы на *-яха*; Гидронимы на *-га* в Евразии; Палеоазиатские гидронимы на *-веем*, *-веем*; Эвенские гидронимы на *-дя*; Якутские гидронимы на *-сало* и *-сене*; Эвенкийские гидронимы на *-чан*; Тунгусские гидронимы на *-ку*, *-ко*; Угорские названия населенных пунктов; Распространение гидронима *Берея*; Гидронимы на *-ым* в Западной Сибири; Гидронимы на *-ва*; Распространение гидронима *Эльза*; Варианты общего названия озера у тюрков Сибири и Средней Азии; Гидронимы на *-сор*, *-шор*.— Топонимы Томской области. Краеведческий сборник (в печати). Томск; Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири.— В сб.: Структура и история тюркских языков. М., 1971.

М. А. Абдрахманов: О тюркских топонимах Западной Сибири.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XXII, 1965; М. А. Абдрахманов, А. А. Бонюхов. Топонимические названия Шории.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Томск, 1966.

Э. Г. Беккер: Семантика гидронимов тазовских селькупов.— Сб. статей по вопросам языкознания и методики преподавания иностранных языков.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XXI, вып. 1. Томск, 1964; Селькупская топонимия Томской области.— В сб.: Топонимика востока. Новые исследования. М., 1964; Устные и письменные

формы селькупских топонимов Томской области.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XXII. Томск, 1965; Семантика гидронимов тазовских селькупов (тезисы).— Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965; Селькупские топонимы Западной Сибири. Автореф. канд. дисс. Томск, 1965; Селькупские географические термины в топонимии.— В сб.: Местные географические термины в топонимии. Южносамодийские гидронимы Томской области.— В сб.: Топонимика Востока. М., 1969; О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. II; О некоторых селькупских географических терминах.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. III. Томск, 1970; О некоторых селькупских словах-терминах и их употреблении в топонимии.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. IV. Томск, 1971.

И. А. Воробьева: Почему деревня называется Попадейкина.— «Красное знамя». 1964, 21 марта; Русская топонимика Сибири в XVII в.— Лингвистический сборник.— «Труды ТГУ», т. 174. Томск, 1964; Русские названия озер Западной Сибири.— Там же; Картоoteca топонимов Западной Сибири.— В сб.: Принципы топонимики. М., 1964; Словообразование русской топонимики Западной Сибири в связи с историей ее заселения.— «Филологические науки», 1965, № 1; Русская гидронимия Западной Сибири (некоторые вопросы происхождения и словообразования).— Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Л., 1965; Почему речка Нибига? — «Красное знамя», 1966, 15 февраля; Русские гидронимы Сибири в XII в.— «Вопросы географии», № 70. М., 1966; Некоторые замечания о русской адаптации иноязычных гидронимов Сибири в XVII в.— В сб.: Вопросы лингвистики.— «Уч. зап. ТГУ», № 59. Томск, 1966; Новые русские гидронимические модели (по материалам гидронимии Восточной Сибири).— В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. I. Изд-во ТГУ, 1966; О словообразовательном анализе славянских топонимов.— В сб.: Вопросы русского языка и его говоров. Изд-во ТГУ. 1968; К вопросу о связи топонимии и диалекта на лексическом уровне.— Там же; Варианты в топонимии.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. II; Русская микротопонимия Западной Сибири (по материалам средней части бассейна р. Оби).— В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. II (в печати). Томск; К вопросу о переходе имен нарицательных в собственные.— В сб.: Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1967; Топонимия «Чертежной книги» С. Ремезова (1701 г.).— История топонимики в СССР. Тезисы докладов. М., 1967; Некоторые наблюдения над функционированием топонимов в устной речи.— В сб.: Ономастика. М., 1969; О названиях лесов Сибири (по материалам средней части бассейна р. Оби).— В сб.: Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. III (в печати). Томск; Русские названия болот Томской области.— Тр. Томского краеведческого музея (в печати). Томск; Топонимы аборигенов Западной Сибири в русских исторических документах.— Происхождение аборигенов Сибири (материалы межвузовской конференции). Томск, 1969; Социальные факторы возникновения и функционирования современной топонимии.— IV республиканская ономастична конференция. Тези. Київ, 1969; Опыт проведения спецкурсов и спецсеминаров по ономастике в Томском университете.— Там же; Западносибирские нарицательные географические термины, относящиеся к водным источникам.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. III; Названия населенных пунктов Кемеровской области (на современном этапе в их истории).— «Уч. зап. Кемеровск. пед. ин-та». Вып. 26, 1971; Еще раз о термине «микротопонимия».— В сб.: Языки и топонимия Сибири (в печати); Системные связи в сфере собственных имен.— В сб.: Актуальные вопросы лексикологии.

Г. П. Вуоно: Семантическая характеристика топонимов мансийского происхождения.— Сб. статей по вопросам языкознания и методики преподавания иностранных языков. Изд-во ТГУ, 1964; Основные типы мансийских топонимов в устном употреблении.— Топонимика Востока. Новые исследования; Мансийская топонимика Привышерь.— Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965; О некоторых звуковых вариантах мансийских топонимов.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XXII. Томск, 1965; Особенности мансийской топонимики Припелымья.— Происхождение аборигенов Сибири. Материалы межвузовской конференции. Томск, 1969; Адаптация мансийских топонимов русским языком.— В сб.: Ономастика Поволжья. Ульяновск, 1969.

К. Ф. Гриценко: О I Всесоюзном топонимическом семинаре.— ВЯ 1963, № 6; Из якутской топонимики.— В сб.: Топонимика Востока. Новые исследования; Якутские топонимы на *-лах*. Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965; Якутские названия озер междуречья Лены и Алдана.— III Республіканська ономастична (гідронімична) конференція. Тези. Київ, 1965; Якутские топонимы на *-лах*.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. I; Якутские топонимы на *-быт*.— Там же; Глагольные гидронимы в якутском языке.— Тюркологическая конференция. Тезисы докладов. Баку, 1966; О некоторых якутских географических терминах.— В сб.: Местные географические термины в топонимии; Якутские топонимы в устном употреблении.— В сб.: Вопросы естественных и гуманитарных наук.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XXIV. Томск, 1968; Названия рек и озер Якутии (канд. дисс.). Томск, 1968; Определение этнической принадлежности некоторых названий Якутии методом картографирования.— В сб.: Происхождение аборигенов Сибири; К вопросу о категориях притяжательности и определенности в тюркских языках (на материале якутской топонимии).— Этногенез народов северной Азии. Материалы конференции. Новосибирск, 1969; Цели и задачи спецкурсов по топонимике на факультете иностранных языков.— IV Республіканська ономастична конференція. Тези. Київ, 1969; Якутские названия озер междуречья Лены и Алдана.— В сб.: Питання гідроніміки. Київ, 1970; К вопросу о семантике якутских гидронимов со словом «эбэ».— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. II; О семантике топонимов различного языкового происхождения.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. III; Определение этнической принадлежности некоторых названий Якутии методом картографирования.— В сб.: Этнография имен. М., 1971; Личные имена и прозвища у якутов.— В сб.: Антропонимика; Избранные якутские географические термины.— В сб.: Местные географические термины; О гидронимах на *-кан* и *-чан* на территории Якутии.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. IV.

Л. И. Калинина. Хантыйские топонимы Васюгана. Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томский обл. краеведческий музей. Томск, 1959; О некоторых вопросах топонимики Левобережья средней Оби.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XVIII. Томск, 1959; Сравнение устных и письменных форм хантыйских топонимов Васюгана.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XIX. Томск, 1961, вып. 2; Ареалы распространения хантыйских топонимов в Западной Сибири.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XIX. Томск, 1961, вып. 2; Хантыйские топонимы Васюгана.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XX. Томск, 1962, вып. 2; Хантыйские топонимы Западной Сибири (канд. дисс.). Томск, 1962; Приемы адаптации русским языком хантыйских топонимов.— Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965; Приемы адаптации русским языком хантыйских топонимов.— В сб.: Топонимика Востока. М., 1969; Гидронимия как источник изучения древних передвижений ургов.— III Республіканська ономастична (гідронімична) конференція. Тези. Київ, 1965; Словообразовательные типы в гидронимии разносемейных языков.— Конференция по топонимике северо-западной зоны СССР. Тезисы докладов и сообщений. Рига, 1966; Гидронимия как источник изучения древних передвижений ургов.— В сб.: Питання гідроніміки. Київ, 1971; О географическом термине *тор* и его вариантах.— В сб.: Вопросы финно-угорского языкознания. Вып. V. Ижевск, 1967.

С. Караев: Словарь географических названий СССР. Ташкент, 1964; К этимологии названия города Карши.— «Научн. тр. Ташкентского пединститута им. Низами», т. 59. Ташкент, 1966; К транскрипции географических названий СССР в атласе «Клайнер Вельтатлас»: Топонимы с компонентами *-кул* и *-тукай*.— «Совет мактаби», 1966, № 10; К этимологии топонимов Шибир и Сибирь.— «Общественные науки в Узбекистане», 1966, № 7; Спор о названиях.— «Фан ва турмуш», 1967, № 10; Навои и топонимика.— «Узбек тили ва адабиёти», 1968, № 3; Некоторые географические термины в зоне контактирования киргизского, узбекского и таджикского населения.— Географическая терминология (в печати); Топонимический словарь Узбекистана (в печати); Анхор, Арна, Арт, Акба.— Узбекская Советская Энциклопедия. Ташкент, 1967; О топонимах с компонентом «кашка».— Доклад на XV научной конференции молодых ученых института языка и литературы им. А. С. Пушкина. АН УзССР. Ташкент, 1966; «Бабур-наме» и топонимика.— Доклад на XVI научной конференции молодых ученых института языка

и литературы им. А. С. Пушкина. АН УзССР. Ташкент, 1967; К выходу топонимического словаря. Рецензия на «Краткий топонимический словарь» В. А. Никонова.— «Общественные науки в Узбекистане», 1967, № 8; Опыт изучения топонимики Узбекистана (канд. дисс.). Ташкент, 1969.

П. М. Коптелов: Семантическая характеристика нганасанской оронимии.— В сб.: Происхождение аборигенов Сибири; О семантике таймырских гидронимов нганасанского происхождения.— В сб.: Вопросы лингвистики. Вып. II. «Уч. зап. ТГУ», № 75, 1969; О структуре таймырских гидронимов нганасанского происхождения.— В сб.: Вопросы лингвистики. Вып. IV (в печати).

О. Т. Молчанова: Тюркские наименования озер Западной Сибири.— III Республиканська ономастична (гидронімічна) конференція. Тезиси докладов; Тюркские названия озер Западной Сибири.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. I. Отражение диалектных особенностей алтайского языка в географической терминологии.— Тюркологическая конференция. Тезисы докладов. Баку, 1966; Глагольные формы в алтайской топонимии.— Материалы XXIV научной студенческой конференции. Томск, 1967; Морфологическая структура тюркских названий рек Западной Сибири.— В сб.: Вопросы естественных и гуманитарных наук.— «Уч. зап. ТГПИ», т. XXIV. Томск, 1968; Структурно-топонимическая классификация географических названий Горно-Алтайской автономной области.— Конференция молодых ученых г. Томска. Тезисы. Томск, 1968; Вопросы фонетической адаптации русским языком тюркских гидронимов.— В сб.: Питання гідроніміки. Київ, 1971; Гидронимы и оронимы Горно-Алтайской автономной области (канд. дисс.). Томск, 1968; Отражение диалектных особенностей алтайского языка в географической терминологии.— Сб. института литературы и языка имени Низами. Баку (в печати); О гидрографических терминах Горного Алтая.— В сб.: Местные географические термины. М., 1970; Топонимия Горного Алтая—источник древней истории Южной Сибири.— В сб.: Ономастика. М., 1969; Мотивированные личные имена у алтайцев.— В сб.: Личные имена. М., 1970; Топонимические параллели Горного Алтая и Тувы.— В сб.: Происхождение аборигенов Сибири; Структура оронимов и гидронимов Горного Алтая.— В сб.: Оронимика. М., 1969.

Е. И. Овчинникова: К вопросу об общности топонимических типов Европейского Предуралья и Западной Сибири.— Происхождение аборигенов Сибири. Основные структурные типы в коми топонимии.— ВТ. Вып. I. Свердловск, 1962; Конструкции с послелогом в коми топонимии.— В сб.: Топонимика Востока. М., 1964; Коми гидронимы, представляющие собой сложные слова.— «Уч. зап. Оренбургского пед. ин-та». Вып. 34. Филологические науки. Оренбург, 1970; Названия населенных пунктов в коми топонимике.— Там же; Семантические типы в коми топонимике.— «Уч. зап. Оренбургского пед. ин-та». Вып. 38. Филологические науки (в печати); Географические термины в коми топонимике.— Там же; Коми топонимия в лексической системе русского языка (канд. дисс.). Томск, 1970.

О. А. Осипова: Структура ненецких гидронимов на -яха.— В сб.: Происхождение аборигенов Сибири.

В. Н. Попова: Структурно-семантические модели названий озер Павлодарской области.— Всесоюзная конференция по топонимике СССР. Тезисы докладов и сообщений. Л., 1965; Основные модели названий озер Северного Казахстана.— «Вопросы географии», № 70. М., 1966; Индикаторы-термины в составе названий озер Павлодарской области.— «Изв. АН Каз. ССР». Сер. общественных наук. Алма-Ата (в печати); Гидронимические термины Павлодарской области.— В сб.: Топонимика Востока. М., 1969; Структурная и семантическая классификация казахских названий озер Павлодарской области.— Филологический сборник Каз. ун-та. Алма-Ата, 1966; Фонетическая адаптация казахских гидронимов русским языком (в области согласных).— Фонологический сборник. Алма-Ата (в печати); Фонетическая адаптация казахских гидронимов русским языком (в области гласных).— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. I; Гидронимы Павлодарской области (канд. дисс.). Томск, 1966; Модели казахских микрогидронимов Павлодарской области.— В сб.: Микротопонимия, 1967; Информационная роль тюркских географических терминов в составе топонимов.— В сб.: Местные географические термины в топонимии; Монгольские элементы в гидронимии Павлодарской области.— Тезисы докладов научно-теоретической конференции профессорско-

преподавательского состава Чимкентского пед. ин-та. Чимкент, 1967; Нетюрские гидронимы Павлодарской области.— В сб.: Происхождение аборигенов Сибири; К этимологии гидронима Иртыш.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. III. Русская гидронимия Павлодарской области.— Там же; Формы казахских гидронимов.— «Уч. зап. Чимкентского пединститута». Чимкент (в печати).

Б. А. Седелников: Семантическая классификация ненецких гидронимов полуострова Ямал.— В сб.: Происхождение аборигенов Сибири.

К. И. Юргин: Эвенкийские топонимы на *-нгна*.— В сб.: Происхождение аборигенов Сибири; Отражение фито- и зоогеографии в эвенкийских географических названиях.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. II; Эвенкийские гидронимы на *-ки:т* бассейна рек Нижней Тунгуски и Подкаменной Тунгуски.— В сб.: Языки и топонимия Сибири. Вып. III.